

СОЛНЦЕ В ПРИЦЕЛЕ



АЛЕКСЕЙ ЧЕРНОВ

Алексей Чернов

Солнце в прицеле

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72402604

SelfPub; 2025

Аннотация

Людмила Павличенко. Имя, ставшее легендой. За ним – не просто рекорд в 309 уничтоженных врагов, будоражащий умы историков. За ним – судьба женщины на самой жестокой войне. Мир знает ее как «Леди Смерть», бесстрашного снайпера, героя обороны Одессы и Севастополя. Ее твердый голос убеждал союзников открыть второй фронт, меняя ход истории.

Но какой ценой был оплачен этот подвиг? Не звоном медалей, а невидимыми шрамами в душе. Что снилось по ночам вчерашней студентке-историку, променявшей книги на оптический прицел? Как хрупкая девушка превратилась в безжалостное оружие, заглядывая в глаза смерти каждый день?

Историко-психологический роман «Солнце в прицеле» – это не просто биография. Это попытка понять и почувствовать. Заглянуть за застывший образ героя и увидеть живого человека – Люду. Пройти с ней путь от первой винтовки до последнего выстрела, чтобы осознать, каково это – быть символом победы и вечной мишенью для собственной памяти.

Содержание

Глава 1. Последний экзамен	6
Глава 2. Цена первого выстрела	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алексей Чернов

Солнце в прицеле

Есть имена, которые подобны сжатому кулаку – в них заключены сила, воля и целая эпоха. Имя Людмилы Михайловны Павличенко – одно из таких. Когда мы слышим его, в памяти всплывают сухие, но от этого не менее поразительные факты: самая успешная женищина-снайпер в мировой истории, 309 уничтоженных солдат и офицеров противника, Герой Советского Союза, прозвище "Леди Смерть".

Эти факты – каркас легенды, ее несокрушимая броня. Но за каждой цифрой, за каждым званием и прозвищем стоит живой человек. Молодая женищина, которая до войны изучала историю, а потом была вынуждена творить ее сама, глядя на мир через холодную оптику снайперского прицела.

Именно этот человек и стал главным героем романа, который вы прочли или только собираетесь прочесть.

Эта книга – не академическая биография и не документальная хроника. Это роман-реконструкция, художественная попытка пройти часть пути вместе с Людмилой, заглянуть ей за плечо в самые поворотные моменты ее судьбы. Это попытка представить и почувствовать, о чем думала студентка Люда Белова, делая свой первый выстрел по живой цели; что ощущала снайпер Людмила Павличенко, теряя любовь посреди ада осажденного Севастополя; и как жила дальше женищина-легенда, в чьей душе навсегда поселилась

оглушительная тишина Победы.

Название романа, "Солнце в прицеле", родилось из этого главного внутреннего конфликта. Это образ, который преследовал меня на протяжении всей работы: можно ли, глядя на мир через перекрестье, предназначенное для убийства, разглядеть в нем свет, тепло и надежду на жизнь? Можно ли, став идеальным солдатом, сохранить в себе человека?

Все ключевые события, описанные в романе – оборона Одессы и Севастополя, встреча с Алексеем Киценко, ранение, поездка в США и знаменитая речь в Чикаго, работа инструктором – основаны на реальных фактах из биографии Людмилы Михайловны. Однако все диалоги, внутренние монологи и душевные переживания героини являются художественным домыслом – тем единственным инструментом, который позволяет писателю попытаться превратить историческую фигуру в живого, дышащего, чувствующего персонажа.

Эта книга – моя дань глубочайшего уважения Людмиле Михайловне Павличенко и всем женщинам, прошедшим через горнило той страшной войны. Их подвиг – не только в уничтоженных врагах. Их главный подвиг – в том, что, пройдя через нечеловеческие испытания, они смогли сохранить в себе способность любить, сострадать и продолжать жить.

И, конечно, я хочу сказать огромное спасибо вам, моим читателям на "Дзен". Этот роман родился на ваших глазах, глава за главой. Ваши комментарии, вопросы и эмоциональный отклик

давали мне силы и вдохновение двигаться дальше. Вы были первыми, кто прошел этот путь вместе с Людмилой, и ваше участие сделало эту историю по-настоящему живой.

Надеюсь, этот путь окажется важным и для вас.

С уважением, Ваш автор.

Глава 1. Последний экзамен

21 июня 1941 года, Киев.

Воздух в читальном зале библиотеки Киевского университета был густым и сладким, как засахаренный мед. Он пах вековой бумажной пылью, рассохшимся клеем переплетов и, едва уловимо, сиренью, что буйно цвела под распахнутыми окнами.

Солнечные лучи, пробиваясь сквозь высоченные стрельчатые проемы, разрезали полумрак на ровные, золотистые полосы. В этих полосах, словно доисторические насекомые в янтаре, застыли, танцуя, мириады пылинок.

Людмила Белова провела пальцем по шершавой кожаной обложке фолианта. "Воссоединение Украины с Россией", дипломная работа. Ее научный руководитель, седовласый профессор Левицкий, говорил, что тема Богдана Хмельницкого требует не столько таланта, сколько усердия и внимания к деталям.

У Люды было и то, и другое. История для нее была не набором сухих дат, а живой, дышащей материей. Она могла часами сидеть над картами, отслеживая пути казацких войск, вчитываться в строки универсалов, пытаясь уловить интонацию гетмана, почувствовать его ярость или усталость.

История была упорядоченной и логичной. У каждого события была причина, у каждого действия – следствие. Она давала утешительное чувство контроля, иллюзию того, что мир, даже в своем самом кровавом проявлении, подчиняется определенным законам.

Здесь, в тишине библиотеки, будущее казалось таким же ясным и предсказуемым, как прошлое, разложенное по полкам. Через неделю – защита. Потом – аспирантура, научная работа, может быть, преподавание. Жизнь, расписанная на годы вперед. Аккуратная, как библиотечная карточка.

Она с силой потерла уставшие глаза. За окном шелестели каштаны, слышались приглушенные гудки автомобилей и далекий, беззаботный смех. Последняя суббота перед финишной прямой. Нужно было отвлечься, проветрить голову. Люда аккуратно сложила страницу закладкой и, сдав тяжелый том дежурной, вышла из прохладного сумрака библиотеки в ослепительное июньское солнце.

Часом позже она уже стояла на стрелковой позиции в полуподвальном тире ОСОАВИАХИМа на Подоле. Здесь воздух был другим. Он был резким, холодным, с едким запахом

пороха и оружейного масла. Вместо шелеста страниц – сухие, оглушительные щелчки выстрелов.

Вместо пылинок в солнечном луче – сизый дымок, лениво ползущий к вытяжке. Этот мир был полной противоположностью университетскому, но и он подчинялся своим, еще более строгим законам. Законам физики, баллистики и абсолютной концентрации.

– Дыхание, Белова, дыхание! – пророкотал над ухом голос инструктора, Матвеича, бывшего унтер-офицера царской армии. – Не торопись. Винтовка – продолжение твоей воли. Ты не стреляешь, ты просто отпускаешь пулю в единственно верном направлении.

Людмила не слышала его. Когда она прижималась щекой к гладкому, отполированному дереву приклада, мир сужался до крошечного круга в оптическом прицеле. Все посторонние звуки исчезали, мысли умолкали. Оставались только три точки на одной линии: ее глаз, мушка и черное яблочко мишени в пятидесяти метрах. Это была своего рода медитация. Освобождение.

Она сделала медленный, глубокий вдох, потом неполный выдох, задержав остатки воздуха в легких. Сердце замедлило свой бег. Палец плавно, почти невесомо, лег на спусковой крючок. Никакого рывка, никакого давления. Просто мягкое, слитное движение, словно она нажимала не на металл, а на податливую глину.

Грохот выстрела ударил по ушам. Отдача привычно толк-

нула в плечо. Не отрывая взгляда, она перезарядила винтовку – резкое, отточенное движение затвора, выброс горячей, пахнущей порохом гильзы, досыл нового патрона.

– Ну, глянем, что ты там наваляла, историк, – проворчал Матвеич, подкручивая ручку лебедки, приближающей мишень.

Картонка подплыла к ним по тросу. Пять дырочек почти сливались в одну, чуть правее центра "десятки".

– Сорок восемь из пятидесяти, – констатировал инструктор и крикнул. Он снял очки, протер их и снова всмотрелся в Люду своими выцветшими глазами. – Не женское это дело, конечно... Но глаз у тебя, Белова, от Бога. И характер. Стальной. С таким прицелом, девочка, далеко пойдешь.

Людмила лишь пожала плечами. Для нее это была просто игра. Увлекательная задача на точность и самоконтроль. Она и представить не могла, насколько пророческими окажутся слова старого солдата.

Вечером она гуляла по Крещатику с подругами. Ели эскимо, которое таяло и липло к пальцам, смеялись над ухаживаниями курсантов, строили планы на июльскую поездку в Одессу.

Киев утопал в зелени каштанов и пьянящем аромате лип. Город жил своей обычной, безмятежной жизнью. На летних верандах играли патефоны, по Днепру скользили речные трамвайчики, с Владимирской горки доносился детский

смех.

Эта мирная, незыблемая картина казалась вечной. Людмила смотрела на сияющие в вечерних огнях витрины, на счастливые, расслабленные лица прохожих, и чувствовала себя частью этого большого, теплого, живого мира. Мысли о Хмельницком и запах пороха в тире казались чем-то далеким, нереальным. Реальным был этот вечер, этот смех, этот вкус ванильного мороженого.

Она легла спать далеко за полночь, уставшая и счастливая. Завтра воскресенье. Можно будет выспаться, а потом сесть за последний раздел диплома. Будущее было простым и понятным.

Она проснулась не от будильника, а от странного, давящего чувства тревоги. И от голоса. Резкого, металлического, незнакомого. Голос лился из черной "тарелки" репродуктора на стене, которую обычно включали только для прослушивания новостей.

"...без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие..."

Сон слетел мгновенно. Людмила села на кровати. Слова Молотова врывались в сонную тишину комнаты, разбивая ее вздремки. Бомбежка. Киев. Война.

Она подбежала к окну. Улица, еще полчаса назад тихая

и безмятежная, изменилась. Хлопали двери подъездов, люди выбегали на улицу, растерянно переговариваясь. Кто-то плакал. Кто-то просто стоял, задрав голову к необычно пустому, гудящему небу.

Мир рухнул. Логичный, упорядоченный мир ее учебников по истории перестал существовать в одну секунду. История перестала быть прошлым. Она ворвалась в настоящее – с воем пикирующих бомбардировщиков и запахом гари.

В комнату вошел отец. Уже одетый в свою форму сотрудника НКВД, с лицом, которое казалось высеченным из серого гранита. Он посмотрел на Люду так, как никогда не смотрел раньше. Без отцовской теплоты, а с суровой, тяжелой оценкой.

– Началось, – коротко сказал он.

В его голосе не было страха. Только бесконечная усталость человека, который всегда знал, что этот день настанет.

Весь день прошел как в тумане. Сводки с фронта, затемненные окна, очереди за хлебом. А внутри Людмилы, сквозь первоначальный шок и страх, прорастало что-то иное. Холодная, звенящая ярость. И абсолютная, кристальная ясность. Два ее мира – мир книг и мир тира – схлестнулись. И она знала, какой из них теперь настоящий. Ее знания о прошлом больше ничего не стоили. Но ее умение попадать в "десятку" вдруг обрело страшный, высший смысл.

Она не спала всю ночь. Утром в понедельник, 23 июня,

она не пошла в университет. Она надела простое ситцевое платье, но под ним уже была невидимая форма. Взяв свои документы и значок "Ворошиловский стрелок", она отправилась в военкомат.

Огромная толпа мужчин гудела у входа. Людмила с трудом протиснулась внутрь. За столом сидел уставший, небритый капитан с воспаленными от бессонницы глазами. Он мельком взглянул на нее.

– Что, девочка? Медсестрой? Все хотят быть медсестрами. Мест нет. На кухню, может? Поваров не хватает.

Людмила молча положила перед ним свои документы: паспорт, комсомольский билет и маленькую книжечку стрелка ОСОАВИАХИМа. Капитан устало пролистал их.

– Историк... Ну вот, иди в архив бумаги перебирать, тоже польза.

– Я хочу на фронт, – ровным, спокойным голосом сказала Людмила.

Капитан поднял на нее глаза, и в них промелькнуло раздражение.

– Девочка, ты не поняла? Это не кино. Иди домой, не мешай работать.

Тогда она сказала одно слово, которое заставило его замечать.

– Снайпером.

Он откинулся на спинку стула и впервые по-настоящему посмотрел на нее. На эту хрупкую, темноволосую девушку

в простом платье, которая говорила о самом смертоносном ремесле на войне с таким же спокойствием, с каким, наверное, отвечала на экзаменах. Он усмехнулся, не веря.

– Снайпером? Ты хоть винтовку в руках держала?

Вместо ответа Людмила открыла свою стрелковую книжку и положила ее поверх остальных документов. Капитан склонился над страницей, где ровным почерком Матвеича были выведены результаты последних стрельб. 48 из 50. 49 из 50. Пять выстрелов – пятьдесят.

Он медленно поднял взгляд от документа на ее лицо. В ее темных, серьезных глазах не было ни страха, ни позерства. Только холодная, несгибаемая решимость.

Усмешка сползла с его лица. Он молчал с минуту, изучая ее, словно пытаясь заглянуть ей в душу. А потом коротко кивнул, словно самому себе.

– Фамилия?

Глава 2. Цена первого выстрела

Поезд, идущий на юг, был живым, стонущим существом, набитым сотнями пахнущих потом, махоркой и тревогой людей в одинаковых гимнастерках.

Людмила сидела на жесткой деревянной лавке, прижимая к себе вещмешок и обернутую в брезент винтовку, которая казалась единственным знакомым предметом в этом новом, оглушающем мире.

За окнами теплушки проплывала ее страна, но это была уже не та безмятежная земля, которую она знала.

Над полями подсолнухов висел дым, у станций стояли санитарные эшелоны, а лица провожающих женщин были похожи на серые, смятые маски.

Людмилы в моменте первого боевого задания

Ее короткая подготовка в сборном пункте пролетела как один день. Инструкторы, торопливо отбиравшие людей для фронта, сначала отмахнулись от ее снайперской книжки.

Но потом, когда она на спор с десяти выстрелов выбила девяносто восемь очков, оставив позади всех хвастливых парней, на нее посмотрели иначе.

Ее зачислили в 25-ю Чапаевскую стрелковую дивизию, которая с тяжелыми боями отступала к Одессе.

Фронт встретил ее не героической атакой, а изматываю-

щим, грязным хаосом. Артиллерийская канонада не стихала ни на час, превратившись в постоянный фон, от которого гудела голова и ныли зубы.

Воздух был тяжелым, пропитанным запахами растревоженной земли, горелой техники и едва уловимым, сладковатым запахом смерти.

Ее, вместе с горсткой таких же новобранцев, определили в роту под командованием старшего лейтенанта Трофимова – сурового, обветренного мужчины, чьи глаза смотрели на мир с бесконечной усталостью.

– Историк, значит, – проговорил он, изучая ее документы в тусклом свете землянки. – Ну что ж. История сейчас здесь пишется. Вот тебе позиция, на том берегу реки – румыны. Наглые, как черти. Окапывайся. И не высывайся, пока не прикажут. Снайперы у них тоже не дураки.

Ее первой траншеей стала неглубокая, наспех вырытая яма на склоне холма, с видом на мутную, медленную реку. Рядом с ней расположился рядовой Красавченко, пожилой донской казак с лицом, похожим на печеное яблоко.

Он молча поделился с ней куском хлеба и показал, как правильно обустраивать бруствер, чтобы не засекли.

– Ты, дочка, главное, не суетись, – говорил он, не повышая голоса, даже когда где-то совсем рядом ухала мина. – Война – она спешку не любит. Она любит терпеливых. Лежи, смотри, слушай. Земля сама подскажет.

Два дня Людмила "училась тишине". Она лежала, вжав-

шись в землю, и смотрела. Смотрела, как меняется свет, как ползут по небу облака, как ветер колышет траву на ничейной земле между позициями.

Она изучала противоположный берег через бинокль, запоминая каждое деревце, каждый изгиб траншеи. Поначалу ей было страшно. Каждый шорох заставлял вздрагивать, каждый далекий выстрел – инстинктивно вжимать голову в плечи.

Но постепенно страх притупился, уступив место напряженному, острому, как игла, вниманию.

На третий день на рассвете ее разбудил лейтенант Трофимов.

– Просыпайся, историк. У тебя экзамен.

Он указал на тот берег. Метрах в семистах, у кромки небольшого леса, копошились две фигуры. Они явно обустроивали наблюдательный пункт или пулеметное гнездо.

– Видишь тех двоих? – тихо спросил Трофимов. – Корректировщики, скорее всего. Через час они нам такой ад устроят, что головы не поднимем. Снять надо. Обоих. Это приказ, Белова.

Людмила почувствовала, как внутри все похолодело. Приказ. Простое, короткое слово, которое перечеркивало всю ее прошлую жизнь.

Одно дело – стрелять по черным кружкам на картонной мишени. И совсем другое – навести перекрестье на живого человека.

– Дистанция большая, товарищ лейтенант. Почти семьсот.

– Другой позиции нет, – отрезал Трофимов. – Ты снайпер или где? Выполняй.

Он ушел, оставив ее наедине с приказом.

Людмила медленно выдвинулась из траншеи и поползла по-пластунски в небольшую воронку впереди, заросшую полынью. Она обустроила позицию, как учил Матвейч: замаскировала винтовку пучками травы, проверила прицел, приготовила патроны. Ее руки действовали уверенно, на автомате, но внутри все дрожало.

Она легла, прильнула к винтовке. В оптическом прицеле далекие фигурки приблизились, стали отчетливыми. Это были двое молодых парней. Один копал, а второй сидел рядом и, кажется, что-то ел, смеясь. Ветер донес обрывок их гортанной речи. Они не были абстрактными "врагами" из газет. У них были лица. Один из них был совсем мальчишка, светловолосый, с веснушками. Он откинул голову и рассмеялся чему-то, и Людмила отчетливо увидела его зубы.

Сердце застучало так громко, что казалось, его услышат на том берегу. "Никаких мыслей, Белова. Ты – просто механизм". Слова инструктора бились в голове, но она не могла заставить себя стать механизмом. Она видела человека.

Она поймала в перекрестье того, что копал. Он был старше, крупнее. Она заставила себя дышать ровно. Вдох. Неполный выдох. Задержка. Мир замер. Палец лег на спуск.

Она видела, как напряжена спина румына, как капли по-

та блестят у него на шее. "Он, наверное, думает о доме... о матери..." – пронеслась отчаянная мысль. Она зажмурилась. Нет. Не может.

И тут она вспомнила другое. Лица женщин у поезда. Разбомбленный Житомир. Рассказы беженцев. И холодную ярость, которая родилась в ней в то утро 22 июня. Ярость вытеснила страх и жалость. Палец напрягся.

Грохот выстрела показался ей оглушительным.

В прицел она увидела, как человек с лопатой дернулся, словно его ударили в спину, и медленно, как-то удивленно, стал оседать на землю.

Второй, тот, что с веснушками, вскочил, непонимающе глядя на товарища. На его лице был не страх, а растерянность. Он открыл рот, чтобы что-то крикнуть.

Людмила, не давая себе ни секунды на размышление, дернула затвор. Горячая гильза вылетела в сторону. Новый патрон. Прицел. Вдох-выдох. Выстрел.

Веснучатый упал рядом с первым.

И все. Стало тихо. Только ветер шелестел в полыни. Людмила лежала, не отрывая глаз от прицела, в котором застыли две неподвижные фигуры.

Она не чувствовала ничего. Ни триумфа, ни облегчения. Только звенящую, ледяную пустоту. Мир потерял свои краски, стал серым и плоским, как изображение в оптике.

Она не помнила, как отползла назад. Красавченко молча протянул ей флягу с водой. Она сделала несколько глотков,

но вода показалась ей горькой.

Подошел лейтенант Трофимов. Он посмотрел на нее долгим, тяжелым взглядом, в котором не было ни похвалы, ни осуждения. Только глубокое, бесконечное знание. Он видел десятки таких, как она, ломавшихся или перерождавшихся после первого раза. Он присел рядом на корточки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.